

УДК 343.2

**ДИСКУССИОННЫЕ ВОПРОСЫ ПРИМЕНЕНИЯ НОРМ
ОБ ОБРАТНОЙ СИЛЕ УГОЛОВНОГО ЗАКОНА**

Олеся Валерьевна Обернихина

Кузбасский институт ФСИН России, Кузбасс, Россия, olesia.obernihina@yandex.ru

Аннотация. В статье анализируются теоретические и правоприменительные проблемы реализации обратной силы уголовного закона в Российской Федерации. На основе анализа доктринальных подходов, судебной практики и эмпирических данных выявляются системные недостатки правового регулирования, закрепленного в ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации.

Обосновывается позиция автора о правовой природе обратной силы как специального (исключительного) правила действия закона во времени. Рассматриваются три вида законов, обладающих обратной силой: устраняющие преступность деяния, смягчающие наказание и иным образом улучшающие положение лица. Предлагаются дифференцированные критерии оценки «мягкости» закона, двухэтапный алгоритм пересчета наказания, распространение обратной силы при декриминализации на лиц с погашенной судимостью, а также переход от заявительного к императивному порядку пересмотра приговоров. Формулируются предложения по совершенствованию уголовного, уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного законодательства.

Ключевые слова: обратная сила уголовного закона, действие закона во времени, декриминализация, смягчение наказания, иное улучшение положения лица, двухэтапный алгоритм пересчета наказания, императивная процедура пересмотра приговоров, судимость

Для цитирования: Обернихина О. В. Дискуссионные вопросы применения норм об обратной силе уголовного закона // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2026. № 2 (77). С. 164—174.

**DEBATE ON APPLICATION OF NORMS
ON THE RETROACTIVE EFFECT OF CRIMINAL LAW**

Olesya Valeriyevna Obernikhina

Kuzbass Institute of the FPES of Russia, Kuzbass, Russia, olesia.obernihina@yandex.ru

Abstract. The article deals with theoretical and law enforcement problems of implementation of the retroactive effect of criminal law in the Russian Federation. Based on the analysis of doctrinal approaches, judicial practice and empirical data, the author identifies systemic deficiencies of legal regulation fixed in Article 10 of the Criminal Code of the Russian Federation.

The author's position on the legal nature of retroactive effect as a special (exceptional) rule for the effect of the law in time is justified. There are three types of laws that have retroactive force: decriminalizing acts, mitigating punishment and otherwise improving the person's position. In the article, the author offers differentiated criteria for assessing the "leniency" of the law, a two-stage algorithm for recalculating penalties, the retroactive effect of decriminalization on persons with expunged criminal records, as well as the transition from declarative to imperative procedures for reviewing sentences. The researcher formulates suggestions to improve the criminal, criminal procedure and criminal executive legislation.

Keywords: retroactive effect of criminal law, effect of the law in time, decriminalization, mitigation of punishment, other improvement of person's position, two-stage recalculation of punishment, imperative procedure for reviewing sentences, criminal record / conviction

For citation: Obernikhina O. V. Debate on application of norms on the retroactive effect of criminal law. Journal of the Volgograd Academy of the Ministry of the Interior of Russia, 164—174, 2026. (In Russ.).

Институт обратной силы уголовного закона традиционно занимает одно из центральных мест в отечественной уголовно-правовой доктрине, выступая важнейшей гарантией реализации конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости. Закрепленная в ст. 54 Конституции Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изм., одобренными в ходе общерос. голосования 01.07.2020, далее — Конституция РФ) и детализированная в ст. 10 Уголовного кодекса Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (далее — УК РФ) норма о том, что закон, устранивший преступность деяния, смягчающий наказание или иным образом улучшающий положение лица, имеет обратную силу, на первый взгляд представляется однозначной и не вызывающей серьезных споров. Однако, как показывает анализ правоприменительной практики и доктринальных источников, именно эта «кажущаяся определенность» порождает множество системных проблем, связанных с оценочными категориями, пробелами процессуального характера и отсутствием единых методических подходов.

Актуальность темы обусловлена несколькими факторами. Во-первых, динамичное реформирование уголовного законодательства, включая многочисленные изменения санкций, декриминализацию ряда деяний и введение новых институтов (например, принудительных работ, изменений правил зачета наказания), создает сложные темпоральные коллизии.

Ежегодно суды рассматривают тысячи ходатайств о приведении приговоров в соответствие с новыми, более мягкими законами, однако единообразие такой практики отсутствует. Во-вторых, оценочная категория «иным образом улучшающий положение лица» порождает широкий спектр интерпретаций, что приводит к нарушению принципа правовой определенности и равенства граждан перед законом. В-третьих, процессуальный механизм реализации обратной силы (заявительный порядок, предусмотренный п. 13 ст. 397, ст. 399 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (далее — УПК РФ)) ставит реализацию конституционного права в зависимость от инициативы и юридической грамотности осужденного, что, как показывают эмпирические данные, делает его малоэффективным. Наконец, интеграция новых территориальных образований в правовую систему России, а также необходимость гармонизации с междуна-

родно-правовыми стандартами требуют переосмысления многих устоявшихся подходов.

Цель настоящей статьи — на основе анализа доктринальных дискуссий, законодательных пробелов и материалов судебной практики (включая авторское исследование более 200 судебных решений и анкетирование 435 правоприменителей) выявить ключевые проблемы применения обратной силы уголовного закона и предложить конкретные пути их решения.

Дискуссия о правовой природе обратной силы уголовного закона является одной из наиболее длительных и принципиальных в отечественной уголовно-правовой науке. Традиционно выделяется три основных подхода: признание обратной силы самостоятельным отраслевым принципом; ее рассмотрение в качестве специального (исключительного) правила действия закона во времени; трактовка как простого исключения из принципа немедленного действия закона. Указанный вопрос не может быть отнесен к числу абстрактно-теоретических, так как от ответа на него зависит не только доктринальное осмысление обратной силы уголовного закона, но и практическая логика применения ст. 10 УК РФ, равно как и определение границ, за пределами которых ретроактивное действие уголовного закона утрачивает силу.

А. Н. Барканов в своих исследованиях настаивает на том, что с принятием УК РФ 1996 г. обратная сила превратилась в полноценный принцип, поскольку обладает основополагающим характером, выражена в законе и выполняет регулятивную функцию [1, с. 46]. Схожую позицию занимает М. Г. Решняк, которая рассматривает действие уголовного закона во времени в целом как принцип, а обратную силу — в качестве его неотъемлемой составляющей [2, с. 100]. Внешне эта позиция представляет определенный интерес: она подчеркивает важность обратной силы для всей системы уголовного права. Однако, как обоснованно замечает К. В. Ображиев, принципы уголовного права действуют непрерывно и имманентны самой отрасли, тогда как обратная сила «включается» лишь при наличии специального условия — принятия нового улучшающего закона [3, с. 60]. Если такой закон отсутствует, правило обратной силы не применяется и действует общее предписание ст. 9 УК РФ. Следовательно, обратная сила не обладает признаком универсальности, присущим принципам.

Более того, обратная сила имеет ревизионный характер — она позволяет пересматривать уже

вступившие в законную силу приговоры. Принципы же, напротив, выступают как неизменные ориентиры, которые не подлежат «включению» или «выключению». Юридино-технический аргумент также говорит в пользу институциональной, а не принципиальной природы: законодатель поместил нормы об обратной силе не в гл. 1 УК РФ, закрепляющую принципы (ст. 3—7), а в гл. 2, регламентирующую действие закона во времени и в пространстве.

З. А. Незнамова обоснованно указывает на то, что такое расположение отражает не общеправовую, а институциональную природу обратной силы [4]. Еще одним подтверждением служит невозможность распространения обратной силы на акты судебного толкования — постановления Пленума Верховного Суда РФ, которые не являются источниками уголовного права. Если бы обратная сила была принципом, она должна была бы распространяться на любые акты, улучшающие положение лица, но это не так.

Изложенное позволяет сформулировать авторское определение: обратная сила уголовного закона — это специальное (исключительное) правило действия закона во времени, производное от конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости, заключающееся в распространении действия более мягкого закона на деяния, совершенные до его вступления в силу, и в пересмотре связанных с ними правовых последствий.

Признание обратной силы именно правилом, а не принципом имеет важное практическое значение. Оно позволяет четко отграничить ее от смежных темпоральных режимов — немедленного действия (ст. 9 УК РФ) и ультраактивности (переживания закона). Немедленное действие применяется к делящимся правоотношениям, возникшим после вступления закона в силу; ультраактивность — когда старый закон продолжает действовать в отношении правовых последствий, возникших в период его действия, если новый закон не улучшает положения лица. Обратная сила же предполагает замену старого правового регулирования новым, причем с ревизионным эффектом. Именно ревизионный характер является ключевым признаком, отличающим обратную силу от всех иных темпоральных правил.

Переходя к конституционно-правовым основам, следует отметить важное несоответствие между ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ. Конституционная норма оперирует категорией «ответствен-

ность», тогда как уголовный закон использует более широкие понятия «наказание» и «иное улучшение положения лица».

Как справедливо отмечает О. В. Ермакова, такое расхождение не является технико-юридической ошибкой, а представляет собой целенаправленный законодательный прием [5, с. 28]. Оно позволяет распространять обратную силу на все меры уголовно-правового характера, обладающие карательным потенциалом: условное осуждение, отсрочку отбывания наказания, принудительные меры медицинского характера, институты освобождения от наказания и погашения судимости. Если бы законодатель ограничился только «ответственностью», то многие из этих мер остались бы за рамками обратной силы, что противоречило бы принципу гуманизма. Вместе с тем оценочная категория «иным образом улучшающий положение лица» порождает значительные сложности. Так, в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 (далее — Постановление № 10)¹ дан развернутый перечень таких изменений, однако многие вопросы остаются неразрешенными. В частности, отсутствует единообразный подход к вопросу о том, относятся ли к «иному улучшению» изменения в правилах зачета наказания (ст. 72 УК РФ) и условно-досрочного освобождения (ст. 79 УК РФ), если они не снижают срок наказания, но создают более благоприятные условия для освобождения либо влияют на сроки погашения судимости.

Судебная практика по этому вопросу противоречива. В одних случаях суды применяют изменения в правилах зачета наказания как «иное улучшение» положения осужденного, распространяя обратную силу нового закона на лиц, осужденных до его вступления в силу. Так, Верховный Суд Республики Алтай в апелляционном постановлении от 11 сентября 2025 г. по делу № 22-531/2025 прямо указал, что положения п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ (в редакции ФЗ № 186-ФЗ) «улучшают положение осужденного... поэтому на основании части 1 статьи 10 УК РФ имеют обратную силу»,

¹ О практике применения судами положений статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации об обратной силе уголовного закона: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24 июня 2025 г. № 10 // Российская газета. 2025. 10 июля.

и отменил постановление нижестоящего суда об отказе в принятии ходатайства¹.

В других случаях суды отказывают в применении изменений, указывая, что улучшение положения по одному приговору не влечет автоматического пересмотра другого, если судимости на момент совершения нового преступления не были погашены. Вологодский областной суд в апелляционном постановлении от 18 сентября 2025 г. по делу № 22-1352/2025 отметил, что произведенные судом улучшения по приговору от 12 сентября 2013 г. «повлияли лишь на более раннее погашение судимости... но на момент совершения преступлений, за которые тот был осужден приговором от 18 июля 2018 года, указанные выше судимости погашены не были», в связи с чем оснований для пересмотра вида рецидива не имеется².

Различные подходы наблюдаются и при применении ст. 78.1 УК РФ. Так, Дальнегорский районный суд Приморского края в постановлении от 30 октября 2025 г. по делу № 1-6/2025 применил ст. 78.1 УК РФ как новый закон, улучшающий положение лица на основании ст. 10 УК РФ, освободив осужденного от уголовной ответственности³. В то же время Амурский областной суд в апелляционном постановлении от 2 сентября 2025 г. по делу № 22-1541/25 указал, что пересмотр приговора по основаниям ст. 10 УК РФ возможен до погашения или снятия судимости, а в исключительных случаях — и после, если приговор сохраняет значение для признания рецидива⁴.

Приведенные примеры свидетельствуют об отсутствии единообразного подхода к вопросу о применении обратной силы уголовного закона к изменениям Общей части УК РФ, что подтверждает необходимость дополнительного разъяснения

Верховного Суда РФ либо внесения соответствующих изменений в ст. 10 УК РФ.

Особую остроту проблема приобретает при декриминализации. Классическое определение декриминализации, предложенное В. Н. Кудрявцевым, сводилось к отмене уголовной ответственности за деяния, ранее признававшиеся преступлениями, включая перевод их в разряд менее значительных правонарушений [6, с. 198]. Однако такой подход, по мнению ряда ученых, не охватывает ситуаций, когда законодатель не исключает состав полностью, а существенно сужает основания уголовной ответственности, изменяя диспозицию нормы.

О. В. Ермакова доказывает, что декриминализация может быть не только прямой (полное исключение состава), но и косвенной — через изменение бланкетного законодательства, введение административной преюдиции, сужение круга субъектов или изменение конструкции состава [5, с. 29].

Поддерживая этот подход, обоснованным видится выделить две основные формы декриминализации: прямую (полную) и косвенную (частичную). Косвенная декриминализация наиболее сложна для правоприменителя, поскольку она не всегда очевидна. Например, повышение минимального размера крупного ущерба в примечании к статье или изменение правил лицензирования определенного вида деятельности могут фактически устранить преступность деяния, не меняя текста УК РФ.

Конституционный Суд РФ в Определении от 10 июля 2003 г. № 270-О⁵ указал, что положения ст. 10 УК РФ не исключают возможности придания обратной силы законам иной отраслевой принадлежности в той мере, в какой этими законами ограничивается сфера уголовно-правового регулирования. Пленум Верховного Суда РФ в п. 2 Постановления № 10 также подтвердил, что устранение преступности может осуществляться не только путем внесения изменений в уголовный закон, но и путем отмены или изменения норма-

¹ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 11 сентября 2025 г. по делу № 22-531/2025 // Архив Верховного Суда Республики Алтай.

² Апелляционное постановление Вологодского областного суда от 18 сентября 2025 г. по делу № 22-1352/2025 // Архив Вологодского областного суда.

³ Постановление Дальнегорского районного суда Приморского края от 30 октября 2025 г. по делу № 1-6/2025 // Архив Дальнегорского районного суда Приморского края.

⁴ Апелляционное постановление Амурского областного суда от 2 сентября 2025 г. по делу № 22-1541/25 // Архив Амурского областного суда.

⁵ Об отказе в принятии к рассмотрению запроса Курганского городского суда Курганской области о проверке конституционности части первой статьи 3, статьи 10 Уголовного кодекса Российской Федерации и пункта 13 статьи 397 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 10 июля 2003 г. № 270-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2003. № 5.

тивных правовых актов иной отраслевой принадлежности.

Важным и дискуссионным является вопрос о распространении обратной силы при декриминализации на лиц, чья судимость уже снята или погашена. Действующая редакция ст. 86 УК РФ не предусматривает автоматического аннулирования судимости в этом случае. Возникает парадокс: законодатель признает, что деяние более не является преступным (утратило общественную опасность), но лицо, его совершившее, продолжает считаться судимым со всеми вытекающими последствиями (ограничения при трудоустройстве, учет при рецидиве и т. д.).

По справедливому замечанию А. Н. Барканова, судимость — это правовое состояние, порождающее негативные последствия, и если деяние перестало быть преступным, то и все эти последствия должны быть аннулированы [1, с. 40]. В поддержку этого тезиса можно привести Постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П¹, в котором признано, что отказ в восстановлении избирательных прав гражданам, чья судимость снята или погашена, но деяние перестало быть тяжким, не соответствует Конституции. Логика этого решения применима и к полной декриминализации. В связи с этим автором предлагается дополнить ст. 10 УК РФ положением о том, что лицо, осужденное за деяние, преступность и наказуемость которого устранены новым законом, считается не имеющим судимости со дня вступления такого закона в силу [7, с. 28]. Соответствующее изменение необходимо внести и в ст. 86 УК РФ.

Помимо декриминализации, ст. 10 УК РФ предусматривает обратную силу закона, смягчающего наказание. Однако и здесь существует множество нерешенных проблем. Прежде всего требуется определить, какой закон считать смягчающим.

И. Э. Звечаровский подчеркивает, что смягчение наказания следует оценивать не только через

призму изменения санкций, но и через реальное уменьшение карательного потенциала применительно к конкретному лицу [8, с. 36]. В связи с этим автор предлагает дифференцированный критерий: при изменении санкций статей Особенной части УК РФ закон считается смягчающим для всех лиц (абстрактный уровень); при изменении положений Общей части УК РФ, введении новых видов наказаний или изменении условий их отбывания улучшение оценивается применительно к конкретному осужденному (конкретный уровень). Например, изменение правил зачета срока содержания под стражей (ст. 72 УК РФ) улучшает положение всех, кто содержится под стражей, но не улучшает положения тех, кто отбывает наказание в колонии строгого режима без предварительного заключения под стражу. Аналогично введение принудительных работ как самостоятельного вида наказания без изоляции от общества (ст. 53.1 УК РФ) улучшает положение только тех осужденных, которые соответствуют критериям, установленным для этого вида наказания (например, отсутствие особо опасного рецидива). Суды, как показывает анализ практики, не всегда учитывают этот дифференцированный подход.

Наиболее острой проблемой является отсутствие единой методики пересчета наказания при изменении пределов санкций. В доктрине предлагались различные подходы. А. Е. Якубов обосновывает необходимость использования медианы санкции (полусумму минимума и максимума) [9, с. 33]. М. Т. Валеев разработал алгоритм линейной интерполяции [10, с. 46—48]. Однако оба подхода имеют ограничения: метод А. Е. Якубова оперирует средними величинами, что может искажать пропорцию при асимметричном изменении санкций (например, когда нижний предел снижается, а верхний повышается). Метод М. Т. Валеева более точен, но ориентирован исключительно на лишение свободы и не учитывает необходимости юридической корректировки с учетом личности осужденного. Полагаем, что наиболее обоснованным будет использовать универсальный двухэтапный алгоритм [7, с. 29—30].

Первый этап — объективный математический расчет, основанный на сохранении пропорциональной доли наказания в диапазоне старой и новой санкций. Предлагаемая формула расчета имеет следующий вид:

¹ По делу о проверке конституционности подпункта «а» пункта 3.2 статьи 4 Федерального закона «Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации», части первой статьи 10 и части шестой статьи 86 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобами граждан Г. Б. Егорова, А. Л. Казакова, И. Ю. Кравцова, А. В. Куприянова, А. С. Латыпова и В. Ю. Синькова: постановление Конституционного Суда РФ от 10 октября 2013 г. № 20-П // Российская газета. 2013. 23 окт.

$$H_{\text{новое}} = \frac{S_{\text{нов. макс.}} - S_{\text{нов. мин.}}}{S_{\text{стар. макс.}} - S_{\text{стар. мин.}}} \times (H_{\text{стар.}} - S_{\text{стар. мин.}}) + S_{\text{нов. мин.}},$$

где:

$S_{\text{стар. мин.}}$, $S_{\text{стар. макс.}}$ — минимальный и максимальный пределы наказания по старому закону;

$S_{\text{нов. мин.}}$, $S_{\text{нов. макс.}}$ — минимальный и максимальный пределы наказания по новому закону;

$H_{\text{стар.}}$ — наказание, фактически назначенное по старому закону;

$H_{\text{новое}}$ — предварительный результат пересчета.

Данный расчет позволяет сохранить пропорцию, в которой назначенное наказание соотносилось с диапазоном старой санкции, и выступает отправной точкой для дальнейшего судебного усмотрения [7, с. 28]. Кроме того, этот расчет обеспечивает единообразие и предсказуемость, исключая произвольные колебания.

Второй этап — субъективная юридическая корректировка полученного результата с учетом общих начал назначения наказания (ст. 60 УК РФ), данных о личности осужденного, наличия смягчающих или отягчающих обстоятельств, поведения после вынесения приговора, а также принципов справедливости и гуманизма. Корректировка может быть как в сторону уменьшения (при наличии исключительных обстоятельств), так и в сторону увеличения (но не выше нового максимума), если, например, после вынесения приговора осужденный совершил новое преступление или проявил себя крайне негативно. Такой двухэтапный подход, в отличие от чисто математических методов, полностью соответствует принципу индивидуализации наказания.

Для иллюстрации практической значимости данного алгоритма приведем пример из судебной практики. Приговором Кинешемского городского суда Ивановской области от 11 ноября 2004 г. ФИО1 был осужден по ч. 1 ст. 161 УК РФ (в редакции, действовавшей на тот момент) с назначением наказания в виде лишения свободы. Впоследствии Федеральным законом от 7 декабря 2011 г. № 420-ФЗ санкция ч. 1 ст. 161 УК РФ была изменена: появилась альтернатива в виде принудительных работ, однако нижний предел лишения свободы остался прежним. Суд апелляционной инстанции¹ отказал в пересмотре приговора, указав, что формальное применение льготного зачета по отбытому наказанию не повлечет пересмотра других приговоров. Однако если бы суд приме-

нил двухэтапный алгоритм, он мог бы более точно определить, улучшает ли новый закон положение осужденного. В данном случае, поскольку наказание уже было отбыто, пересчет мог бы повлиять на срок погашения судимости, что также является значимым для осужденного. Этот пример показывает, что суды часто ограничиваются формальным анализом, не углубляясь в суть улучшений.

Другой показательный пример — дело ФИО1, рассмотренное Майминским районным судом Республики Алтай (постановление от 7 июля 2025 г.). Осужденный обратился с ходатайством о приведении приговоров в соответствие с изменениями, внесенными в ст. 72 УК РФ Федеральным законом от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ (льготный зачет срока содержания под стражей)². Суд первой инстанции отказал в принятии ходатайства, но суд апелляционной инстанции³ отменил это решение, указав, что положения п. «б» ч. 3.1 ст. 72 УК РФ улучшают положение осужденного и подлежат применению. В данном случае суд апелляционной инстанции фактически применил дифференцированный подход, признав, что закон, улучшающий правила зачета наказания, имеет обратную силу. Однако отсутствие единой методики пересчета привело к тому, что суд не определил, как именно должен быть произведен зачет: засчитывать ли весь срок содержания под стражей с коэффициентом 1,5 или только его часть. Это подтверждает необходимость закрепления формализованного алгоритма.

Помимо законов, смягчающих наказание, ст. 10 УК РФ распространяется на законы, «иным образом улучшающие положение лица». Эта категория является наиболее дискуссионной. В доктрине предлагались различные классификации таких норм. Основываясь на анализе судебной практики

² О внесении изменений в статью 72 Уголовного кодекса Российской Федерации: федер. закон от 3 июля 2018 г. № 186-ФЗ // Российская газета. 2018. 5 июля.

³ Апелляционное постановление Верховного Суда Республики Алтай от 11 сентября 2025 г. № 22-531/2025 // Архив Верховного Суда Республики Алтай за 2025 г.

¹ Апелляционное постановление Ивановского областного суда от 25 сентября 2025 г. № 22-1570/2025 // Архив Ивановского областного суда за 2025 г.

и доктринальных источников, оправданным видится нам выделение четырех функциональных групп:

1) нормы, изменяющие иные меры уголовно-правового характера (раздел VI УК РФ);

2) нормы, изменяющие условия применения институтов, связанных с исполнением наказания (условно-досрочное освобождение — ст. 79 УК РФ, отсрочка отбывания наказания — ст. 82 УК РФ, замена неотбытой части наказания более мягким — ст. 80 УК РФ);

3) нормы о порядке назначения наказания (общие и специальные правила, включая ст. 62, 65, 68, 69, 70 УК РФ);

4) нормы, предоставляющие суду дискреционные полномочия (ч. 6 ст. 15, ст. 64, ст. 73 УК РФ).

Особо следует остановиться на ч. 6 ст. 15 УК РФ, которая позволяет суду изменить категорию преступления на менее тяжкую. Это улучшает положение лица, поскольку сокращаются сроки погашения судимости, изменяется вид исправительного учреждения и т. д. Однако, как показал анализ, реализация этого права в порядке ст. 10 УК РФ затруднена из-за отсутствия четкого процессуального механизма [11, с. 386]. Суды не всегда знают, как пересматривать приговоры в этой части: достаточно ли просто признать категорию измененной или нужно пересчитывать наказание? Ввиду сказанного предлагаем внести изменения в ст. 397 УПК РФ, прямо указав, что при пересмотре приговора в связи с изменением категории преступления суд выносит соответствующее постановление без повторного обсуждения фактических обстоятельств дела.

Еще одним сложным вопросом является применение обратной силы к институтам, которые не являются наказанием, но тесно с ним связаны, например к условно-досрочному освобождению (ст. 79 УК РФ).

В 2012 г. в ст. 79 УК РФ были внесены изменения, ужесточающие условия условно-досрочного освобождения (далее — УДО) для осужденных за преступления, связанные с незаконным оборотом наркотиков, и за преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних¹. Возник вопрос: распространяется ли это ужесточение на лиц, совершивших преступления до вступления закона в силу? Согласно ч. 1 ст. 10 УК РФ закон, ухудшающий положение, обратной силы не имеет, поэтому ужесточение не применяется. Однако

на практике суды иногда отказывали в УДО, ссылаясь на новые правила, что противоречило закону.

В качестве положительного примера можно привести постановление Президиума Ульяновского областного суда от 21 февраля 2013 г. по делу Р. Ф. Хасанова, которым было отменено постановление суда первой инстанции, отказавшего в УДО на основании п. «г» ч. 3 ст. 79 УК РФ в новой редакции, поскольку эта норма ухудшает положение осужденного и обратной силы не имеет. Этот пример демонстрирует правильное применение принципа non-retroactivity («запрет обратной силы закона»).

Вместе с тем если новый закон, напротив, смягчает условия УДО (например, сокращает необходимую для УДО часть срока), то такой закон должен иметь обратную силу. Однако это прямо не предусмотрено ст. 10 УК РФ, поскольку УДО не является наказанием, а лишь порядком его исполнения. Здесь возникает коллизия: формально закон об УДО не улучшает «наказание» в узком смысле, но улучшает положение лица. Поэтому необходимо расширительное толкование категории «иным образом улучшающий». Пленум Верховного Суда РФ в Постановлении № 10 указал, что к «иному улучшению» относятся изменения, касающиеся порядка и условий отбывания наказания, включая УДО. Однако это разъяснение не всегда воспринимается судами на местах.

Отдельного внимания заслуживают коллизии обратной силы со смежными правовыми институтами. Выше уже упоминалась проблема судимости. Но есть и другие. Например, институт давности привлечения к уголовной ответственности (ст. 78 УК РФ). Если новый закон сокращает сроки давности или изменяет порядок их исчисления, должен ли он иметь обратную силу? Поскольку давность — это основание освобождения от ответственности, закон, улучшающий положение лица (сокращающий сроки давности), должен иметь обратную силу. Однако ст. 10 УК РФ прямо этого не предусматривает, что порождает неопределенность. Аналогичная проблема возникает с институтом замены неотбытой части наказания более мягким (ст. 80 УК РФ).

Для решения вышеуказанных проблем предлагаем внести в ст. 10 УК РФ часть 4, согласно которой «если уголовный закон изменялся неоднократно, из всех законов, действовавших от момента совершения преступления до вынесения приговора, подлежит применению наиболее благоприятный для лица, независимо от того, сохранил ли этот закон силу на момент судебного разбира-

¹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 1 марта 2012 г. № 18-ФЗ // Российская газета. 2012. 6 марта.

тельства» [7, с. 30—31]. Это правило устранило правовую неопределенность при так называемых промежуточных законах.

Важным аспектом, вызывающим дискуссии, является вопрос о возможности придания обратной силы постановлениям Пленума Верховного Суда РФ, которые содержат более благоприятные для осужденных разъяснения. В доктрине высказываются разные точки зрения. Одни авторы, указывая на фактическую обязательность постановлений Пленума, полагают, что они могут иметь обратную силу, если улучшают положение лица. Другие — и мы их поддерживаем — исходят из того, что постановления Пленума не являются источниками уголовного права (они не принимаются законодательным органом, не проходят процедуру официального опубликования, установленную для федеральных законов, не могут устанавливать, отменять или изменять преступность и наказуемость деяния). Следовательно, они не могут иметь обратной силы в смысле ст. 10 УК РФ [12, с. 72]. Изменение правовой позиции Пленума, даже если оно носит кардинальный характер, не означает придания обратной силы ранее принятому постановлению. Правоприменитель при рассмотрении конкретного уголовного дела должен руководствоваться той редакцией разъяснения, которая действовала на момент совершения преступления или на момент вынесения приговора. Если бы постановлениям Пленума придавалась обратная сила, это привело бы к массовому пересмотру приговоров без изменения закона, что подрывало бы принцип правовой определенности (*res judicata*). Вместе с тем, если новая позиция Пленума лишь конкретизирует и раскрывает содержание уже действующей более мягкой нормы, она может применяться при рассмотрении дел, по которым приговор еще не вступил в законную силу, но не в качестве «обратной силы», а в силу общего принципа немедленного действия процессуальных разъяснений.

Переходя к процессуальным механизмам реализации обратной силы, следует отметить, что действующий заявительный порядок (п. 13 ст. 397, ст. 399 УПК РФ) является малоэффективным: по данным проведенного автором анкетирования (435 респондентов — судей, прокуроров, сотрудников УИС), 60 % правоприменителей дали ему именно такую оценку [13, с. 126]. Основные причины: большинство осужденных не обладают достаточными юридическими познаниями, чтобы своевременно инициировать пересмотр; многие не знают о принятии новых законов, улучшающих

их положение; заявительный порядок создает дополнительную нагрузку на суды, поскольку каждое ходатайство требует отдельного рассмотрения. В связи с этим мы приходим к выводу о необходимости введения императивной (внезаявительной) процедуры пересмотра приговоров [7, с. 31]. Суть ее в том, что обязанность инициировать пересмотр возлагается на прокурора (в рамках надзора за законностью) и администрацию учреждений уголовно-исполнительной системы (в рамках обязанности защищать права осужденных). При вступлении в силу нового, более мягкого закона прокурор или администрация УИС в течение разумного срока (например, трех месяцев) должны проверить, имеются ли среди поднадзорных лиц те, чьи приговоры подлежат пересмотру, и обратиться в суд с соответствующим представлением. Осужденный, конечно, сохраняет право и на самостоятельное обращение. Такая императивная процедура уже апробирована в некоторых зарубежных странах (например, во Франции, где прокурор обязан *ex officio* (в силу должностных обязанностей) инициировать пересмотр). В условиях отечественного законодательства это потребует внесения изменений в ст. 399 УПК РФ, а также в ведомственные нормативные акты ФСИН России и Генеральной прокуратуры.

Кроме того, представляется необходимым законодательно закрепить обязанность администрации учреждений УИС информировать осужденных об изменениях уголовного закона, улучшающих их положение, и разъяснять порядок обращения с соответствующим ходатайством. Предлагаемая норма коррелирует с ч. 1 ст. 12 УИК РФ, которая устанавливает общее право осужденных на получение информации о своих правах и обязанностях, однако не конкретизирует механизм доведения сведений о законах, имеющих обратную силу. Практическая польза такого дополнения состоит в том, что оно: 1) устраняет правовую неопределенность в действиях администрации; 2) обеспечивает своевременное информирование осужденных, исключая случаи, когда они узнают о благоприятных изменениях из случайных источников или с опозданием; 3) создает реальный, а не декларативный механизм реализации права, гарантированного ст. 10 УК РФ.

В связи с этим предлагается дополнить УИК РФ нормой, закрепляющей обязанность администрации в 30-дневный срок проинформировать осужденного о новом законе и его праве на обращение в суд, а при наличии письменного согласия осужденного — направить представление о пересмотре

приговора в случаях безусловного улучшения его положения (устранение преступности деяния, исключение квалифицирующих признаков, снижение верхнего предела санкции, изменение правил зачета наказания, сокращение сроков судимости). В иных случаях представление направляется по заявлению осужденного или его защитника. Предлагаемое дополнение согласуется с правовой позицией Конституционного Суда РФ (Определение от 18 июля 2019 г. № 2102-О¹) и позволит обеспечить реальный доступ осужденных к правосудию.

Заключительный блок проблем связан с пробелами в правовом регулировании, которые не охватываются действующей редакцией ст. 10 УК РФ. В частности, действующая редакция не содержит правила на случай, когда уголовный закон изменялся неоднократно, а наиболее мягкая редакция уже утратила силу к моменту рассмотрения дела. Возникает вопрос: можно ли применять утративший силу, но наиболее мягкий закон? По логике ст. 10 УК РФ, закон должен действовать на момент применения, но улучшающий закон имеет обратную силу. Если наиболее мягкий закон действовал в промежутке между совершением преступления и вынесением приговора, он должен быть применен, даже если потом его сменил более строгий. Это прямо следует из принципа гуманизма. Однако в УК РФ это не закреплено, что порождает разночтения. Предлагаем дополнить ст. 10 УК РФ частью 4, как указано выше.

Другой пробел — отсутствие в ст. 86 УК РФ правила об автоматическом аннулировании судимости при декриминализации. Выше это уже обсуждалось. Не урегулирован также вопрос о том, как пересчитывать наказание, если новый закон смягчает наказание в одном аспекте, но усиливает в другом (например, снижает верхний предел, но повышает нижний). В таких случаях суды нередко отказываются от пересмотра, считая, что закон нельзя признать однозначно смягчающим. Однако правильнее было бы применять закон в части, улучшающей положение, т. е. использовать более низкий верхний предел при сохранении нижнего предела по старому закону, если он был ниже. Такой подход, известный как «синтезирование

санкций», поддерживается некоторыми учеными, например А. В. Иванчиным [14, с. 60]. Однако он не закреплён в законе и вызывает споры. Автор полагает, что «синтезирование» допустимо как проявление принципа гуманизма, но для единообразия практики оно должно быть разъяснено Верховным Судом РФ.

Подводя промежуточный итог, можно констатировать, что существующая правовая конструкция обратной силы уголовного закона страдает множеством дефектов: отсутствие легального определения, оценочные категории, пробелы в процессуальном механизме, коллизии со смежными институтами. Это приводит к тому, что конституционное право граждан на применение более мягкого закона реализуется не в полной мере. Результаты анкетирования показали, что 83 % респондентов считают наличие оценочных категорий главной проблемой, 60 % — отсутствие четкого механизма пересчета наказания, 55 % — заявительный порядок. Только 10 % респондентов оценили действующее регулирование как достаточное. Эти данные убедительно свидетельствуют о необходимости реформ [13, с. 127].

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов и предложений, направленных на совершенствование института обратной силы уголовного закона.

1. Обратная сила уголовного закона не является самостоятельным отраслевым принципом, а представляет собой специальное (исключительное) правило действия закона во времени, производное от конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости. В целях устранения теоретической неопределенности предлагается закрепить это определение в новой редакции ч. 1 ст. 10 УК РФ.

2. Выявлено несоответствие между ст. 10 УК РФ и ст. 54 Конституции РФ. Для его преодоления необходимо включить в Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 10 развернутый перечень изменений, подпадающих под категорию «иным образом улучшающий положение лица», а также разъяснить, что к «иному улучшению» относятся изменения в институтах УДО, отсрочки отбывания наказания, давности, судимости и др.

3. При декриминализации обратная сила должна распространяться не только на лиц, отбывающих наказание или имеющих судимость, но и на лиц, чья судимость уже снята или погашена. Предлагаются дополнить ст. 10 и 86 УК РФ правилом об автоматическом аннулировании судимости со дня вступления в силу декриминализирующего закона [7, с. 28].

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Шамхаловой Б. К. на нарушение ее конституционных прав пунктом 1 статьи 78 Федерального закона «Об ипотеке (залоге недвижимости)»: определение Конституционного Суда РФ от 18 июля 2019 г. № 2102-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2019. № 6.

4. Для оценки смягчающего закона необходим дифференцированный критерий: абстрактный уровень (изменение санкций Особенной части) — закон считается смягчающим для всех; конкретный уровень (изменение Общей части, введение новых видов наказаний) — улучшение оценивается применительно к конкретному осужденному. Этот критерий следует закрепить в Постановлении Пленума № 10.

5. Разработанный двухэтапный алгоритм пересчета наказания (объективный математический расчет + субъективная юридическая корректировка) позволяет обеспечить единообразие и индивидуализацию. Обоснованным видится включить его в Постановление Пленума № 10 в качестве рекомендуемой методики [7, с. 29—30], а также создать программный модуль для автоматизации расчета.

6. Действующий заявительный порядок пересмотра приговоров должен быть заменен императивной (внезаявительной) процедурой, при которой обязанность инициировать пересмотр возлагается на прокурора и администрацию УИС. Необходимо внести соответствующие изменения

в ст. 399 УПК РФ, а также в УИК РФ и Федеральный закон «О прокуратуре РФ» [7, с. 31].

7. Для устранения коллизий со смежными институтами предлагается дополнить ст. 10 УК РФ частью 4, закрепляющей правило о применении наиболее мягкого закона из всех действовавших от момента совершения преступления до вынесения приговора, независимо от того, утратил ли он силу [7, с. 30—31]. Необходимо также внести изменения в ст. 78, 79, 86 УК РФ, обеспечивающие единообразие применения обратной силы.

8. Постановления Пленума Верховного Суда РФ не обладают обратной силой, поскольку не являются источниками уголовного права [12, с. 72].

9. Изменение правовой позиции Пленума не может служить основанием для пересмотра вступивших в законную силу приговоров в порядке ст. 10 УК РФ.

Реализация предложенных мер будет способствовать усилению гарантий прав лиц, совершивших преступления, обеспечению единства судебной практики и действительной реализации конституционных принципов законности, гуманизма и справедливости.

1. Барканов А. Н. Обратная сила уголовного закона: дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2000. 191 с.

2. Решняк М. Г. Действие уголовного закона во времени как принцип права // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата. 2011. № 3 (22). С. 99—103.

3. Ображиев К. В. Действие уголовно-правовых норм во времени: проблемы теории и практики // Уголовное право. 2016. № 2. С. 59—66.

4. Незнамова З. А. Проблемы применения обратной силы уголовного закона // Российский юридический журнал. 2012. № 4 (85). С. 168—174.

5. Ермакова О. В. Устранение преступности деяния как основание обратной силы закона: проблемы доктринального толкования и правоприменительной практики // Вестник Томского института повышения квалификации работников ФСИН России. 2026. № 1 (27). С. 27—33.

6. Кудрявцев В. Н. Закон, поступок, ответственность. Репр. воспр. изд. 1986 г. Москва: Норма: ИНФРА-М, 2017. 488 с.

7. Обернихина О. В. Об инициативе по совершенствованию института обратной силы уголовного закона // Вестник Калининградского

1. Barkanov A. N. Retroactive effect of criminal law. Dissertation of candidate of juridical sciences. Saratov; 2000: 191. (In Russ.).

2. Reshnyak M. G. The effect of criminal law in time as a principle of law. Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notary office, 99—103, 2011. (In Russ.).

3. Obrazhiyev K. V. The effect of criminal law norms in time: problems of theory and practice. Criminal law, 59—66, 2016. (In Russ.).

4. Neznamova Z. A. Problems of application of the retroactive effect of criminal law. Russian Legal Journal, 168—174, 2012. (In Russ.).

5. Yermakova O. V. Elimination of crime as a basis for the retroactive effect of law: problems of doctrinal interpretation and law enforcement practice. Journal of the Tomsk Institute for Advanced Training of the FPES of Russia, 27—33, 2026. (In Russ.).

6. Kudryavtsev V. N. Law, act, responsibility. Repr. ed. of 1986. Moscow: Norm: INFRA-M; 2017: 488. (In Russ.).

7. Obernihina O. V. On the initiative to improve the institute of the retroactive effect of criminal law. Journal of the Kaliningrad branch of Saint Petersburg University of the Ministry of the Interior of Russia, 25—33, 2026. (In Russ.).

филиала Санкт-Петербургского университета МВД России. 2026. № 1 (83). С. 25—33.

8. Звечаровский И. Э. Институт назначения более мягкого наказания, чем предусмотрено за данное преступление // Уголовное право. 2012. № 2. С. 35—44.

9. Якубов А. Е. Обратная сила уголовного закона и шкала уголовных наказаний // Законность. 2008. № 10 (888). С. 31—34.

10. Валеев М. Т. Обратная сила уголовного закона и сокращение наказания // Вестник Томского государственного университета. Право. 2011. № 2. С. 45—49.

11. Обернихина О. В. Современные проблемы применения норм об обратной силе уголовного закона при снижении категории преступления // Преступление, наказание, исправление (к 20-летию вступления в силу Уголовно-исполнительного кодекса Российской Федерации): сб. тез. выступлений и докл. участников III Международ. пенитенциарного форума (Рязань, 21—23 ноября 2017 г.). В 8 т. Т. 2. Рязань: Академия права и управления Федеральной службы исполнения наказаний, 2017. С. 386—389.

12. Обернихина О. В. Сущность и правовая природа судебных актов // Вестник Кузбасского института. 2017. № 3 (32). С. 70—74.

13. Обернихина О. В. Обратная сила уголовного закона: результаты социологического исследования // Проблемы права. 2026. № 1 (101). С. 122—130.

14. Иванчин А. В. О пределах синтеза старого и нового законов и иных проблемах придания обратной силы новеллам в УК РФ // Уголовное право. 2012. № 5. С. 59—61.

8. Zvecharovsky I. E. Institute to impose more lenient punishment than provided for such crime. Criminal law, 35—44, 2012. (In Russ.).

9. Yakubov A. Ye. Retroactive effect of criminal law and scale of criminal punishment. Legality, 31—34, 2008. (In Russ.).

10. Valeyev M. T. Retroactive effect of criminal law and reduction of punishment. Journal of the Tomsk State University. Law, 45—49, 2011. (In Russ.).

11. Obernihina O. V. Modern problems to apply norms on the retroactive effect of criminal law, when reducing the category of crime. In: Crime, punishment, correction (by the 20th anniversary of the entry into force of the Penal Enforcement Code of the Russian Federation). The collected works of speeches of participants in the III International Penitentiary Forum, 21—23 November 2017. Ryazan: Academy of Law and Administration of the Federal Service for the Execution of Punishments; 2017: 386—389. (In Russ.).

12. Obernihina O. V. Essence and legal nature of judicial acts. Journal of the Kuzbass Institute, 70—74, 2017. (In Russ.).

13. Obernihina O. V. Retroactive effect of criminal law: results of a sociological study. Problems of law, 122—130, 2026. (In Russ.).

14. Ivanchin A. V. On the limits of the synthesis of old and new laws and other problems to give retroactive effect to innovations in the Criminal Code of the Russian Federation. Criminal law, 59—61, 2012. (In Russ.).

Обернихина Олеся Валерьевна,
преподаватель кафедры
уголовно-исполнительного права
и организации исполнения наказаний,
не связанных с изоляцией
осужденных от общества,
Кузбасского института ФСИН России,
olesia.obernihina@yandex.ru

Obernihina Olesya Valeriyevna,
lecturer at the department
of criminal executive law and organization
of the execution of sentences
not related to the isolation
of convicts from society
of the Kuzbass Institute of the FPES of Russia;
olesia.obernihina@yandex.ru

Статья поступила в редакцию 25.04.2026; одобрена после рецензирования 04.05.2026; принята к публикации 14.05.2026.

The article was submitted 25.04.2026; approved after reviewing 04.05.2026; accepted for publication 14.05.2026.

* * *